

УДК 94(4)"4
ББК 63.3(0)4
М71

Дизайн обложки Алексея Закопайко

Мишаненкова, Екатерина Александровна

М71 Берия. История легенды/Екатерина Мишаненкова. — Москва: Издательство АСТ, 2020., — 256 с. — (Моя жизнь)

ISBN 978-5-17-121184-4

Именем Берии пугали детей, и это не преувеличение. Женщины боялись ходить в одиночестве по московским улицам — вдруг подъедет Берия на черном автомобиле и увезет к себе. И то, что он уже несколько лет как расстрелян, не имело особого значения. Он превратился в легенду — вечно живую и безумно страшную.

Кто же такой Лаврентий Берия? Революционер, политик, государственный и партийный деятель, куратор атомного проекта, благополучный муж и отец, или просто всемогущий садист, дошедший до власти? Что из того, в чем его обвиняют, чистой правды, что имеет какие-то основания, а что абсолютный вымысел?

Где заканчиваются легенды, и начинается реальный человек?

**УДК 94(4)"4
ББК 63.3(0)4**

**С благодарностью за разрешение использовать
в книге их материалы и изыскания:**

- Заместителю главного редактора «Российской газеты», историку спецслужб, писателю Долгополову Н. М.
- Доктору исторических наук главному научному сотруднику Института российской истории Российской академии наук Жукову Ю. Н.
- Историку, писателю, в прошлом сотруднику внешней разведки КГБ СССР Мартиросяну А. Б.
- Историку и писателю Прудниковой Е. А.

ПРЕДИСЛОВИЕ

23 декабря 1953 года по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР был расстрелян всесильный Лаврентий Берия, министр внутренних дел СССР, сосредоточивший в своих руках всю мощь карательного аппарата страны — милицию, разведку, контрразведку, управление лагерями и т. д. Человек, чье имя стало символом репрессий, страха, жестокости, порочности и беззакония.

И действительно, хотя среди исторических личностей мало «белых и пушистых», настолько дьявольских фигур за всю историю человечества по пальцам можно пересчитать. Берия встал в один ряд с Нероном, Торквемадой и Геббельсом — говорили, что комнаты для допросов на Лубянке залиты кровью невинно репрессированных, а в подвалах его особняка найдены кости изнасилованных и замученных им женщин и девочек.

Формально Берия был осужден и казнен за измену Родине, антисоветский заговор и шпионаж в пользу иностранных разведок. Но уже через несколько лет об этом мало кто вспоминал, настолько официальный приговор меркнул перед списком преступлений, о которых рассказывали шепотом.

Говорили, что развращенность и беспринципность его превышали все разумные и даже неразумные пре-

дела, что для него ловили на улицах девочек и доставляли в его особняк, где он их насиловал, а если хотел, то и убивал. Что любой, кто смел ему возразить, оказывался в застенках, где подвергался жестоким пыткам и никогда уже не выходил обратно. Рассказывали о его безумной роскоши и извращенных оргиях, садизме и упоении властью.

Сомнений в том, кто виноват в недавних чистках, геноциде и репрессиях, жертв которых (тех, кому удалось остаться в живых) как раз начали выпускать из лагерей, тоже не было. Такой человек, а точнее «не-человек» у власти, наделенный неограниченными возможностями реализовывать свои садистские стремления... Чудовище, с какой стороны ни посмотри.

Именем Берии пугали детей, и это не преувеличение, даже я, родившаяся незадолго до развала Советского Союза, до сих пор ощущаю холодок, глядя на его фотографии. А ровесницы моих родителей признаются, что боялись ходить в одиночестве по московским улицам — вдруг подъедет Берия на черном автомобиле и увезет к себе. И то, что он уже несколько лет как расстрелян, не имело особого значения, тем более для детей. Он превратился в легенду — вечно живую и безумно страшную.

Но легенда на то и легенда — плод человеческой фантазии. И если справиться с эмоциями и отогнать внушенный давно, еще в детстве, страх, разум начинает задавать вопросы. Лично у меня таких вопросов (с которых я и заинтересовалась этой темой) было два:

1) Как Берия мог быть всесильным, если был еще Сталин? Два всесильных человека в одной стране и в одно время — это нонсенс, по крайней мере один из них должен был ограничивать власть другого. А по-

скольку страной правил Сталин, кто кого должен был ограничивать, вроде бы понятно.

2) Как у такого занятого человека, возглавлявшего разведку, контрразведку, милицию и много чего другого, да еще и находившего возможность самому кого-то там пытаться в застенках, оставалось время разъезжать по Москве и подыскивать себе девочек? Удивительно, что у него времени и сил на сам-то секс хватало.

С таких размышлений и началась со временем эта книга. Кто же такой Лаврентий Павлович Берия? Революционер, политик, государственный и партийный деятель, куратор атомного проекта, благополучный муж и отец или просто всесильный садист, дорвавшийся до власти? Что из того, в чем его обвиняют, чистейшая правда, что имеет какие-то основания, а что абсолютный вымысел?

Где заканчиваются легенды и начинается реальный человек?

СЕМЬЯ

ТРУДНОСТИ

Казалось бы, чего проще — написать вкратце биографию известного политического деятеля, чтобы освежить память читателей, прежде чем переходить к разбору каких-то конкретных моментов? Тем более жившего в прошлом столетии, а не тысячу лет назад. Но даже на этом этапе я столкнулась с двумя совершенно неожиданными трудностями.

Первая состоит в том, что о молодости Берии известно на удивление мало — гораздо меньше, чем о его соратниках по партии и правительству. И это несмотря на существование его собственной краткой автобиографии (одного из немногих касающихся его жизни документов, подлинность которого никем не подвергается сомнению), а также воспоминаний его сына Серго Берии. Но эти краткие сведения мало того что очень скупые, так они еще и противоречат — где-то друг другу, а где-то историческим реалиям того времени.

Впрочем, как раз в этом противоречии нет ничего удивительного — автобиография была написана в 1923 году, когда совсем еще юный Лаврентий Берия просил отпустить его с работы в ЧК и позволить закончить обучение в институте. А все знают, как пишутся такие автобиографии — их цель не оставить максимально точную память об авторе, а создать правиль-

ное впечатление, чтобы просьбу удовлетворили. Что-то немного замалчивается, что-то подается в более выгодном свете. И это даже сейчас, а автобиография Берии была написана в стране недавно победившего пролетариата и глубоко классово системы (думаю, ни для кого не секрет, что даже избирательные права тогда зависели от происхождения, рода занятий и прежней деятельности при царском режиме).

Воспоминания Серго Берии в свою очередь написаны уже в 90-е годы, когда Лаврентий Берия уже почти сорок лет провел в могиле, да и Серго было уже за семьдесят. И цель их вполне очевидна — очистить имя любимого отца. Поэтому они рассказывают тоже не совсем о реальном Берии, а скорее о некоем образе, который хранился в памяти его сына и который тот очень хотел продемонстрировать всему миру в противовес мифу о «кровавом сатрапе».

Так что, странно не то, что сохранившиеся биографические данные несколько противоречивы, а то, что их так мало. Хочешь не хочешь, а начинаешь верить исследователям, утверждающим, что большая часть документов, касающихся Берии, либо уничтожены, либо до сих пор засекречены.

КАК ОСТАТЬСЯ БЕСПРИСТРАСТНОЙ

И вот тут в полный рост встает вторая трудность — отсутствие объективных исследований. Изучая личность Берии и труды о нем, я столкнулась с тем, что все написанные о нем книги крайне пристрастны. Историки, публицисты, блогеры — все, кто что-то писал о Берии, кто более-менее серьезно исследовал его жизнь, деятельность и смерть — делятся на тех, кто им восхищается, и тех, кто его безумно ненавидит. Од-

на группа исследователей считают его жертвой клеветы, великим государственным деятелем и благородным человеком, на которого «повесили» все неудачи и преступления всех политиков сталинской эпохи. А другая утверждает, что он полностью заслужил свою репутацию злодея и распутника, а заодно обвиняет его в глупости, тщеславии и вообще в том, что он был подлецом и мерзавцем чуть ли не с пеленок.

Я не подозреваю никого из них в неискренности, наоборот, степень страстной ненависти и такого же страстного восхищения по отношению к человеку, почившему почти семьдесят лет назад, даже завораживает. Но как же сложно в каждой работе пытаться отделить факты от очень уверенных предположений и реальные события от личного мнения автора о них. И еще сложнее — не поддаваться их влиянию и не позволить убедить себя... Хотя временами очень хочется. Но я стала писать эту книгу, чтобы разобрать существующие мифы, а не чтобы поддержать их или тем более создать новые. Поэтому начну все же с того, что Лаврентий Берия сам о себе рассказал. А уже потом перейду к тем предположениям, которые строятся вокруг крайне немногочисленных фактов, и разберу, что откуда взялось.

Сразу уточню — я склоняю фамилию Берия, потому что так привыкла, но при цитировании оставляю ту форму, которая была в документах или у автора.

**СПРАВОЧНАЯ СЛУЖБА РУССКОГО ЯЗЫКА
О СКЛОНЕНИИ ГРУЗИНСКИХ ФАМИЛИЙ
(портал <http://gramota.ru>)**

Рекомендации справочных пособий относительно склонения грузинских и др. фамилий на -ия разнятся. Интересно, что не склонять подобные

фамилии рекомендуют специалисты по культуре речи, авторы справочников по стилистике, литературной правке (т. е. пособий, широко охватывающих различные спорные вопросы современного русского языка). Такая рекомендация приведена в справочниках Д. Э. Розенталя, кроме того, на распространенность несклоняемых вариантов указывают Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская, авторы справочника «Грамматическая правильность русской речи».

В то же время специалисты по ономастике (т. е. лингвисты, углубленно изучающие особенности образования и функционирования в речи имен, отчеств, фамилий) предписывают склонять фамилии на -ия. Такая рекомендация приведена в «Словаре русских личных имен» А. В. Суперанской, в исследовании Л. П. Калакуцкой «Фамилии. Имена. Отчества. Написание и склонение» и др. Вот аргументы Л. П. Калакуцкой, которые нам представляются весьма убедительными: «Грузинские (эстонские, финские и др.) фамилии склоняются или не склоняются в соответствии со своими окончаниями по законам русской грамматики. И поскольку в русском языке есть слова общего рода типа пария, судия, то так же склоняются и мужские и женские фамилии, имеющие окончания -ия, независимо от принадлежности к какому-либо языку».

А вот что пишет выдающийся российский лингвист А. А. Зализняк в «Грамматическом словаре русского языка»: «...Наряду с правильными литературными употреблениями типа у Данелии нередко встречается также (в устной речи и в средствах массовой информации) не соответствующие литературной норме употребления типа у Данелия».

Таким образом, несмотря на рекомендацию Д. Э. Розенталя, следует признать правильным склонение мужских и женских фамилий на -ия.

Ну а чтобы освежить память и вспомнить, когда, где и на каких должностях Берия работал, какими проектами занимался, кого сажал, что реформировал, загляните в приложение. Краткую биографию, без анализа и оценок, но со всеми датами можно найти там.

АВТОБИОГРАФИЯ ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ, 1923 ГОД

Родился я 17 марта 1899 г. в селе Мерхеули (в 15 верстах от города Сухума) в бедной крестьянской семье. Ввиду того что мое обучение было в тягость родителям, будучи еще учеником Сухумского городского училища, я готовил учеников младших классов, помогая таким образом семье, и это продолжалось с перерывами до 1915 г. В 1915 г. переехал в Баку; с этого момента и начинается моя самостоятельная жизнь. Уже с этих пор, учась в техническом училище, я имею на иждивении старуху мать, глухонемую сестру и племянницу 5 лет.

Учение мое, начатое в 1907 г. в городе Сухуме, по окончании курса высшего начального училища (в 1915 г.) с переездом моим в Баку продолжалось здесь и протекало следующим образом: приехав в Баку, я поступаю здесь в среднее механико-строительное училище, где обучаюсь 4 года. В 1919 г. я окончил курс в училище, а в 1920 г. с преобразованием технического училища в политехнический институт поступаю в последний. С этого момента регулярное обучение прекращается и занятия мои в институте

продолжаются с перебоями до 1922 г. Однако за все это время я связи с институтом не теряю, и только в 1922 г. в связи с переводом меня Заккрайкомом РКП из Баку в Тифлис я прекращаю учение, числясь к тому времени студентом 3-го курса.

Так прерывается мое учение в Баку, начатое здесь в 1915 г., с перерывами продолжавшееся до 1922 г.

В том же 1915 г. начинается впервые и мое участие в партийной жизни, тогда еще в зачаточной форме. В октябре этого года нами — группой учащихся Бакинского технического училища — был организован нелегальный марксистский кружок, куда вошли учащиеся из других учебных заведений. Кружок просуществовал до февраля 1917 г. В этом кружке я состоял казначеем. Мотивами создания кружка были: организация учащихся, взаимная материальная поддержка и самообразование в марксистском духе (чтение рефератов), разбор книг, получаемых от рабочих организаций, и прочее. Одновременно был избран старостой своего класса (нелегально). В марте 1917 г. я совместно с тов. В. Егоровым, Пуховичем, Аванесовым и еще одним товарищем (фамилию не помню) организовываем ячейку РСДРП (большевиков), где я состоял членом бюро.

В 1916 г. (летние каникулы) я служил в качестве практиканта в главной конторе Нобель в Балахнах, зарабатывая на пропитание семье и себе.

В ходе дальнейших событий, начиная с 1917 г., в Закавказье я вовлекаюсь в общее русло партийно-советской работы, которая перебрасывает меня с место на место, из условий легального

существования партии (в 1918 г. в городе Баку) в нелегальное (1919–1920 гг.), и прерывается выездом моим в Грузию. В июне 1917 г. я в качестве техника-практиканта поступил в гидротехническую организацию армии Румынского фронта и выезжаю с последней в Одессу, оттуда в Румынию, где работаю в лесном отряде села Негуляшты. Одновременно являюсь выборным от рабочих и солдат, председателем отрядного комитета и делегатом от отряда, часто бываю на районных съездах представителей районов в Пашкани (Румыния). На этой работе я остаюсь до конца 1917 г. и в начале 1918 г., по приезде в Баку, продолжаю усиленным темпом работу в техническом училище, быстро наверстывая пропущенное. В январе 1918 г. поступил в Бакинский Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов, работая здесь в секретариате Совета сотрудником, выполняя всю текущую работу, и этой работе отдаю немало энергии и сил. Здесь я остаюсь до сентября 1918 г., октябрь же этого года застает меня в ликвидации комиссии советслужащих, где я остаюсь до занятия города Баку турками. В первое время турецкой оккупации я работал в Белом городе на заводе «Каспийское товарищество» в качестве конторщика. В связи с началом усиленных занятий в техническом училище и необходимостью сдать некоторые переходные экзамены я принужден был бросить службу. С февраля 1919 г. по апрель 1920 г., будучи председателем коммунистической ячейки техников, под руководством старших товарищей выполнял отдельные поручения райкома, сам занимаясь с другими ячейками в качестве инструктора. Осенью того же 1919 г. от партии Гуммет (мусульманская организация

большевистской ориентации, созданная еще до революции по инициативе Сталина и др. — С. К.) поступаю на службу в контрразведку, где работаю вместе с товарищем Муссеви. Приблизительно в марте 1920 г., после убийства товарища Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в Бакинской таможне.

С первых же дней после Апрельского переворота в Азербайджане краевым комитетом партии (большевиков) от регистрода (Регистрационный (разведывательный) отдел — С. К.) Кавказского фронта при РВС 11-й армии командируюсь в Грузию для подпольной зарубежной работы в качестве уполномоченного. В Тифлисе связываюсь с краевым комитетом в лице тов. Амаяка Назаретяна, раскидываю сеть резидентов в Грузии и Армении, устанавливаю связь со штабами грузинской армии и гвардии, регулярно посылаю курьеров в регистрод города Баку. В Тифлисе меня арестовывают вместе с Центральным Комитетом Грузии, но согласно переговорам Г. Стуруа с Ноем Жордания освобождают всех с предложением в 3-дневный срок покинуть Грузию. Однако мне удается остаться, поступив под псевдонимом Лакербая на службу в представительство РСФСР к товарищу Кирову, к тому времени приехавшему в город Тифлис. В мае 1920 г. я выезжаю в Баку в регистрод за получением директив в связи с заключением мирного договора с Грузией, но на обратном пути в Тифлис меня арестовывают по телеграмме Ноя Рамишвили и доставляют в Тифлис, откуда, несмотря на хлопоты товарища Кирова, направляют в кутаисскую тюрьму. Июнь и июль месяцы 1920 г. я нахожусь в заключении, только после четырех с по-